

Закрытое для иностранцев сибирское "поле" открыто уже много лет. Немало исследований проведено, диссертаций, книг и статей написано (*Schweitzer 2001; Вахтин, Сирина 2003*). В этом ряду книга П. Витебски занимает особое место, и не только по научному вкладу (это первая работа в англоязычной литературе по эвенам), но и по ее оригинальности, а следовательно, и по тому интересу, который она вызовет среди людей разных профессий.

Литература

Алексеев 1993 – Алексеев А.А. Забытый мир предков. (Очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-Западного Верхоянья). Якутск, 1993.

Алексеев 2003 – Алексеев А.А. "Он есть начало и конец всего...". Культ огня у эвенов // Илин. 2003. № 2–3. С. 77–85.

Вахтин, Сирина 2003 – Вахтин Н.Б., Сирина А.А. "Кому принадлежит сибирская этнография?" Размышления после международного семинара по методике, методологии и этике этнографических исследований на севере Сибири // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 2003. № 3. С. 141–148.

Ревуненкова 1998 – Ревуненкова Е.В. Piers Vitebsky. Dialogues with the Dead. The Discussion of mortality among the Sora of Eastern India // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 12. 1998. С. 419–425.

Штернберг 1936 – Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографического исследования. Л., 1936.

Харвей 2005 – Харвей П. О преимуществах структурной маргинальности британской социальной антропологии // ЭО. 2005. № 2. С. 25–31.

Alekseev 1992 – Alekseev A. Healing Techniques Among Even Shamans // Shaman. Vol. 2. 1992. № 2. P. 160–164.

Schweitzer 2001 – Schweitzer P.P. Siberia and Anthropology: National Traditions and Traditional Moments in the History of Research. Habilitationsschrift. Eingereicht an der Human- und Sozialwissenschaftlichen Fakultät der Universität Wien. Wien, 2001. 376 S.

Vitebsky 1995 – Vitebsky P. The Shaman. L.: Dunkan Baird Publishers, 1995.

ЭО, 2006 г., № 4

© **Е.Э. Носенко**. Рец. на: **Виктор Шнирельман. Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России**. М.: Academia, 2004. 480 с.

Время "разброда и шатания", наставшее в 1990-е годы на постсоветском пространстве и ознаменовавшееся в первую очередь отречением и отрицанием (не всеобщим и не всецелым) старых схем и догм, продолжается и по сию пору. Этот затяжной и мучительный идейный кризис – одно из проявлений не менее затяжного и не менее мучительного системного кризиса, охватившего все без исключения государства, возникшие на развалинах СССР. Идейный и идеологический вакуум стал быстро заполняться новыми или, гораздо чаще, хорошо забытыми старыми течениями и идеологами. Процесс, как говорится, пошел, и в стороне от него не могли остаться главные области гуманитарного знания.

Аналізу некоторых таких идейных течений и посвящена рецензируемая книга известного российского этнолога В.А. Шнирельмана. Она вышла в рамках проекта "Общественная кампания противоядействия расизму, ксенофобии, антисемитизму и этнической дискриминации в многонациональной Российской Федерации" и представляет собой своеобразное "собрание сочинений" этого исследователя. Под одной обложкой сведены его труды, публиковавшиеся на протяжении последних 10 лет в академических журналах ("Этнографическое обозрение", "Восток",

"Славяноведение"), доклады на конференциях, разделы из книг и сборников, статьи из научно-публицистических изданий, а также не издававшаяся ранее работа (Гл. 7. Русский ответ: археология, русский национализм и Арктическая прародина). Это обусловило некоторую, на первый взгляд, эклектичность рецензируемой книги, равно как и неизбежные в таком случае смысловые повторы. Но эклектичность эта внешняя. Структура книги подчинена строгой научной логике: анализ истоков того или иного идейного течения, его "корней", рассмотрение его связи с существовавшими к моменту зарождения этого течения культурологическими и философскими (иногда квазикультурологическими и псевдофилософскими) теориями, а также с доктринами национализма, наконец, изучение его трансформации в современной России. Речь идет о евразийстве, арийском мифе и неоязычестве.

Евразийство вслед за В.А. Шнирельманом с некоторыми оговорками действительно можно назвать интеллектуальным течением, в отличие от двух последних, которые уже без всяких оговорок представляются псевдоинтеллектуальными (а иногда антиинтеллектуальными). Поэтому разные разделы книги представляют неодинаковый интерес для различной аудитории. Так, интеллектуалы, стремящиеся глубже понять идеи "отцов-основателей" евразийства – Н.С. Трубецкого и Л.П. Карсавина – найдут здесь подробный анализ их позиций по многим мировоззренческим и научным вопросам, а также взглядов их многочисленных последователей.

Отстаивая ценность научного вклада евразийцев в ряд областей знания, В.А. Шнирельман указывает на отдельные положения и гипотезы (с. 41–42), которые до сих пор широко используются в истории, культурной и социальной антропологии, философии. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что ряд гипотез был выдвинут не евразийцами, вернее, не только ими. Не имея здесь возможности подробно останавливаться на всех приведенных В.А. Шнирельманом идеях евразийцев, замечу все же, что, например, членение культуры на "высшую" и "низшую", культуру "элиты" и культуру "простонародья" принадлежит не только и не столько Трубецкому. Подобные взгляды получили широкое распространение в конце XIX и особенно в начале XX в., прежде всего во Франции, в разработке "истории ментальности", восходящей к идеям Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля. Позднее эти взгляды нашли наиболее полное воплощение у создателей и сторонников знаменитой школы "Анналов", о чем много и подробно писали (см., напр.: *Шарпте* 2004; *Geertz* 1975: 142–169). Точно так же культурный релятивизм, партикуляризм и антипрогрессизм – не достижение одних лишь евразийцев. Все эти идеи получили широкое распространение в Европе в рассматриваемый период как реакция на популярные до тех пор позитивизм, эволюционизм и детерминистские концепции.

Более того. Не являясь, подобно В.А. Шнирельману, специалистом по истории евразийских идей, я в то же время – в отличие от некоторых исследователей, которых В.А. Шнирельман справедливо критикует (с. 38–40) – все же знаком с рядом работ Н.С. Трубецкого, Л.П. Карсавина, и в особенности Г.В. Вернадского, а также Л.Н. Гумилева. Рискаю навлечь на себя упрек в недостаточной компетентности, скажу все же, что это чтение оставило у меня впечатление (в целом) поверхностности и вторичности и в общем – *déjà vu*. Особенно это касается национализма евразийцев, который В.А. Шнирельман, на мой взгляд, иногда слишком прямолинейно связывает с функционалистским методом. В национализме евразийцев отчетливо различимы влияния разных идей и подходов, включая отечественное славянофильство, так много заимствовавшее из немецкого романтизма. Становлению национализма способствовали также распространенные в этнологии и культурологии, в XIX – начале XX в. направления, особенно теория среды, теория миграций, диффузионизм, теория культурных кругов и др. При всем различии подходов и значимости сделанного в науку вклада большинству евразийцев, хотя и в разной мере, свойственны ксенофобия разного плана и уровня (антикатолицизм, "антиукраинизм", антисемитизм и пр.). И сотрудничество многих евразийцев с "органами", и симпатии некоторых из них к нацизму тоже ведь не случайны. Особенно явственны ксенофобские тенденции, как это показывает В.А. Шнирельман, в неоевразийстве, прежде всего в работах Л.Н. Гумилева и его последователей. Примером могут служить не только сами по себе утверждения о "химерических образованиях, возникающих в результате смешения этносов", но и то, что такие "химеры" могут быть "хорошими" (скажем, если славяне смешиваются с любимыми Л.Н. Гумилевым тюрками или монголами) или "плохими" (в случае смешения кого бы то ни было с не любимыми им евреями).

Нет смысла пересказывать эту интересную и очень нужную книгу. Да это и невозможно, так как нельзя изложить на страницах рецензии все приведенные автором книги факты и тем более – воспроизвести сделанный им развернутый и всесторонний анализ названных идеологом. Именно идеологом, так как даже евразийство я не склонна считать строго научным направлением, не

говоря уже о неоязычестве и "славяно-арийстве". Многие главы книги выдержаны в строгом академическом духе и представляют собой самостоятельные исследовательские работы, базирующиеся на солидном методологическом фундаменте и обширнейшей библиографии. Другие главы принципиально полемичны, не утрачивая при этом научного характера. Однако сквозь всю рецензируемую работу красной нитью проходит связь анализируемых В.А. Шнирельманом идеологем с национализмом, а также ксенофобией, расизмом и антисемитизмом. Недаром в каждом разделе этим сюжетам посвящены отдельные главы: гл. 4 (Евразийство и евреи); гл. 6 (Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм); гл. 11 (Мифы русского язычества и антисемитизм); гл. 13 (О новом и старом расизме в современной России). Названия этих глав "говорят" сами за себя, равно как и о том, что именно объединяет те идейные течения, которые рассматривает автор книги.

Однако к уже сказанному В.А. Шнирельманом об арийском мифе и неоязычестве хотелось бы добавить несколько слов. Дело не в псевдонаучных "играх" Н. Гусевой, О. Трубачева, С. Антоненко и ряда других авторов, пытающихся переписать историю славян, прародину которых они помещают в весьма различные места, но преимущественно – на Крайний Север и даже на Северный Полюс, не в попытках "вычислить" шумеров-украинцев, славян-финикийцев, обнаружить Явь, Навь, Правь, Опаленный Стан, гору Сияя и т.д. и т.п. И не в том даже, что чтение подобных текстов напоминает даже не блуждание в интеллектуальных лабиринтах, а ознакомление с историями болезни. Вопрос в другом: почему все это агрессивное мифотворчество охотно востребовано деятелями определенной политической ориентации (А. Дугин, В. Емельянов, А. Баркашов, В. Безверхий и др.) и некоторой частью российского общества?

То, что взгляды российских "арийцев" и неоязычников "срисованы" с идей, обретших популярность в конце XIX – начале XX в. в Европе, особенно в Германии времен Третьего рейха, вряд ли может вызывать сомнения; а В.А. Шнирельман убедительно и интересно это иллюстрирует. Нередко исследователи пишут, что распространение подобных идей и их применение на практике имели место в тех странах, которые в силу разных причин испытали чувство сильного национального унижения, прежде всего в Германии и Италии. Надо ли говорить, что чувство национального унижения вкупе с причинами экономического, социального, культурологического плана питает расистские и ксенофобские настроения и в современной России. Это ярко иллюстрирует цитата из С. Антоненко, приведенная В.А. Шнирельманом: "русский, славянский народ имеет великое прошлое; он был частью великой арийской общности, и он никогда не примирится с жалкой ролью просителя на задворках цивилизации" (с. 129). Чувство унижения, комплекс неполноценности и тоска по утраченному прошлому – именно в этом кроются причины всех перечисленных В.А. Шнирельманом околонучных "игр в бисер" и их популярности.

Вспоминая названия другой недавно вышедшей книги В.А. Шнирельмана "Лица ненависти. Антисемиты на марше", которая посвящена наиболее заметным моментам в истории современного антисемитизма (см. также: Соколовский 2005: 164–166), невольно хочется назвать рецензируемую работу "Лица ненависти в интеллектуальных (точнее, псевдоинтеллектуальных) лабиринтах". Это впечатление усиливается после прочтения заключительного раздела книги (Новые идеологии и учебники истории), который, на первый взгляд, несколько "выпадает" из всего предыдущего хода исследования. Однако именно он особенно наглядно иллюстрирует высказанные В.А. Шнирельманом ранее мысли.

По мнению В.А. Шнирельмана, многие пороки современных учебных пособий по истории проистекают, помимо прочего, из-за излишнего увлечения их авторов цивилизационным подходом, а также из-за воздействия теории этноса, которая, как считает исследователь, почти неизбежно приводит к расизму. Я не являюсь горячим сторонником цивилизационного подхода, полагая, что он не слишком продуктивен для научного дискурса, хотя и очень привлекателен для дискурса околонучного. Однако я все же не могу полностью согласиться с утверждением В.А. Шнирельмана о том, что этот подход волюно или неволюно способствует поиску врага (с. 318). Например, говоря о взглядах одного из "патриархов" конструирования цивилизаций А. Тойнби (Носенко 1991), я с трудом могу представить, какого врага-супостата следует искать после прочтения грандиозного творения одного из крупнейших культурологов современности (Тоунби 1934–1961). Точно так же, не будучи приверженцем теории этноса, которую в последние годы много и справедливо (а порой и не очень) критикуют, я все же не могу согласиться с тем, что она дает основание для упрека в расизме.

Здесь не место подробно останавливаться на анализе цивилизационного подхода и теории этноса. Замечу лишь, что в версии Ю.В. Бромлея эта теория при всей ее схоластичности расизмом

никак не страдает. Даже Дж. Бэнкс, один из наиболее последовательных критиков теории этноса, считавших ее в принципе примордиалистской, писал, что Ю.В. Бромлей и его сторонники в своих взглядах на этничность близки к ситуационизму, поскольку они признают значимость экономических и политических факторов (от себя добавим – и социальных. – *Е.Н.*) (*Banks* 1996: 24). Я уже не говорю о том, что приравнивание примордиализма к расизму – явное упрощение, как упрощением кажется мне и деление всех исследователей на приверженцев примордиализма, конструктивизма и инструментализма.

Скорее, авторы многих учебных пособий увлечены, как это явствует из анализа В.А. Шнирельмана, тем же евразийством (в его крайних формах), а также "арийским мифом", Русской идеей, "нордической теорией" и пр., о чем исследователь писал выше. По роду деятельности мне приходится не так уж часто обращаться к школьным учебникам. Поэтому мне было особенно интересно узнать, как конкретно воплощаются в жизнь и "вливают на юные умы" интеллектуальные игры взрослых и какие семена ненависти и вражды могут взойти на этой почве – будь то в учебниках по истории России, Татарстана, Осетии или других регионов. Весьма любопытно замечание В.А. Шнирельмана, что авторы многих таких учебников – бывшие преподаватели истории КПСС, марксизма-ленинизма, научного атеизма. Я не вполне уверена, что эти авторы знакомы с трудами того же А. Тойнби, Э. Мейера, О. Шпенглера и даже Ю.В. Бромлея. Так что же способствует поиску врага и расизму – явному или латентному? Ксенофобия самого разного уровня, присущая творениям евразийцев, неоязычников и творцов "арийского мифа", безусловно, гораздо сильнее вдохновляет авторов упоминаемых В.А. Шнирельманом учебных пособий.

И последнее. Книга посвящена "светлой памяти Николая Михайловича Гиренко, мужественного борца с неонацизмом и расизмом". Мне не хотелось бы впасть в излишний пафос, но думается, что Н.М. Гиренко был бы доволен этой умной и небеспристрастной книгой.

Литература

Носенко 1991 – *Носенко Е.Э.* О некоторых культурологических воззрениях А. Тойнби (к вопросу об этнокультурных контактах) // Этнические факторы и общество. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1991. С. 15–26.

Соколовский 2005 – *Соколовский С.В.* Рец. на: *Виктор Шнирельман.* Лица ненависти. Антисемиты на марше. М.: Academia, 2005 // Этнограф. обозрение. 2005. № 6. С. 164–166.

Шартье 2004 – *Шартье Р.* Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 66.

Banks 1996 – *Banks M.* Ethnicity: Anthropological Constructions. L.; N.Y.: Routledge, 1996.

Geertz 1975 – *Geertz Cl.* The Interpretation of Cultures. L.: Hutchinson, 1975. P. 142–169.

Toynbee 1934–1961 – *Toynbee A.J.* A Study of History. Vol. I–XII. L., 1934–1961.